

ЧАСЫ ИЗМЕРЯЛИ ДИСТАНЦИИ ОТ ЗЕМЛИ ДО НЕБА ФЕЛИКС БАУМГАРТНЕР, URWERK

— Urwerk UR-100
в корпусе желтого
золота 41 мм x 49,7 мм.
Механизм UR
12.01 с автоподзаводом
и запасом хода
в 48 часов

— Один из указателей **Urwerk UR-100** на «10 часах» напоминает о том, что, находясь на экваторе, мы за 20 минут перемещаемся на 555,55 км вокруг земной оси

Потомственный часовщик Феликс Баумгартнер, окончивший часовую школу в Золотурне, приехал в Женеву в 1995 году. Двумя годами позже вместе с цюрихским дизайнером Мартином Фраем он основал марку Urwerk. В этом году они выпустили две важные новинки, поучаствовав вместе с Greubel Forsey в проекте «Рождение часов» и создав UR-100 с «космическим» временем.

— Когда-то вы обещали сделать простые часы с тремя стрелками. И вот теперь вы выпустили UR-100 — модель в корпусе из цельного золота. Злой журналист сказал бы, что в Urwerk сделали часы, которые практически можно носить на руке!

— Мы делаем разные часы. Многие из них очень сложной формы, это скорее скульптуры, которые вы носите на запястье. Но и золотые UR-100, хоть с виду они и проще, не так-то просты.

— Ваши часы показывают не только часы и минуты, но и вращение Земли вокруг собственной оси и движение вокруг Солнца. Насколько эти данные важны в быту?

— Часы всегда измеряли дистанции от земли до неба. Мой отец — реставратор часов. Он подарил мне настольные часы Гюстава Сандо, которые были сделаны в конце XIX века для всемирных выставок в Париже и Чикаго. Они не измеряли минуты, а измеряли дистанцию, которую люди «проходят» каждый день, живя на Земле. Мы сделали так же. Один из указателей на «10 часах» напоминает о том, что, находясь на экваторе, мы за 20 минут перемещаемся на 555,55 км вокруг земной оси — и в то же самое время на 35 742 км вокруг Солнца. Второй указатель расположен на «2 часах». Это, конечно, напоминание о космосе, а не данные на каждый день.

— Ваши часы разрешают лениться, раз мы все равно движемся, даже лежа в постели?

— Философы всегда думали об этом, оставаясь на месте, но отправляя в путешествие свои мысли.

— Как проходило ваше участие в проекте «Рождение часов» — Naissance d'une montre? Идея его в том, что в эпоху высоких технологий часы принципиально делаются «от руки», как в XVIII веке. Зачем это Urwerk с ее космическими амбициями?

— Мне очень нравится идея Робера Гребеля и Стивена Форси — проект возрождения ремесла, в котором участвуют и Фредерик Дюфур и Вианни Альтер. Первые Naissance d'une montre имели огромный резонанс. Один из главных наших конструкторов Доминик Бузе прямо-таки грезил этим проектом, я позвонил Роберу и сказал: «Давайте вместе поработаем над второй главой, сделаем „Рождение часов-2“».

— Как же строилось сотрудничество? Кто отвечал за что?

— Мы объединили умения и возможности Greubel Forsey и Urwerk. Идея и конструкция механизма — от нас, над архитектурой, эстетикой механизма работал Робер Гребель, Urwerk привнес эстетику корпуса. Greubel Forsey сделали платины и мосты, а мы выточили оси и шестеренки.

КЛИЕНТЫ НАС ЗНАЮТ. МЫ ЗНАЕМ
КЛИЕНТОВ. МЫ НЕ ЗАВИСИМ
ОТ САЛОНОВ, НО ЛЮБИМ В НИХ
УЧАСТВОВАТЬ РАДИ НОВЫХ КОНТАКТОВ

— Я вижу четкое разделение ответственности, а как вы делите прибыль? Простые Naissance d'une montre, сделанные в 2016-м, продали за 1,45 млн швейцарских франков.

— Прибыли не будет. Это часы в одном экземпляре, и вся выручка пойдет на сам проект «Рождение часов» — за вычетом маленького вознаграждения за работу мастерам.

— Naissance d'une montre 2 — это часы, сделанные исключительно человеческими руками, но что вы думаете об использовании «нечеловеческой» механики, деталей, которые делают машины и которые нельзя починить?

— Такие есть даже в «Рождении часов», как минимум спираль или рубиновые камни. Но все остальное сделано руками или ручными машинами на старом манер. Если вы говорите о полностью кремниевых узлах, они и вправду не могут быть починены, по сути, они одноразовые и бывают либо хороши, либо плохи, человек тут ни при чем. Они нужны большим маркам в промышленном производстве, но это не наше, не для Urwerk.

— Такая тенденция вредит часовому делу?

— Что вам сказать... Для ремесла часовщика тут есть некоторая опасность, но, может, надо признать, что часы с промышленным механизмом и надо строить как часы с промышленным механизмом. А ручную работу сохранить для маленьких серий, зачем заставлять часовщиков делать тысячи одинаковых механизмов, пусть там потрудится машина. Отчасти это эволюция, может быть, в большей степени, чем тупик.

— Как вы обходитесь в этом году без Базеля и Женевы? Довольны ли вы участием в августовских Geneva Watch Days?

— Нам это было полезно. Про судьбу салонов я часто думаю в этом странном году. Urwerk существует почти 15 лет. Каждый год мы производим не более 150 часов. Клиенты нас знают. Мы знаем клиентов. Мы не зависим от салонов, но мы любим в них участвовать ради новых контактов. К 2021 году мы пока присматриваемся и ждем, что будет. О 2022-м тем более рано говорить.

— Довольны ли вы своими аукционными продажами? Согласны ли вы с Франсуа-Полем Журном, который говорит, что цены с молотка — это «суд Божий»?

— Богам тоже свойственно ошибаться, иногда. Аукцион это не суд, не приговор, а измерение температуры. Мы продавались и хорошо, и плохо. Всякое бывало. Но вот работы Пикассо очень дороги теперь. Может, чтобы получить верную оценку, надо сначала умереть?

Беседовал Алексей Тарханов